

Исаева Светлана Александровна, Гулая Татьяна Николаевна

ЭТНИЧЕСКИЕ "МАРКЕРЫ" МУЗЫКИ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ В КОНЦЕПЦИИ И. И. ЗЕМЦОВСКОГО

В статье анализируется авторская концепция отечественного фольклориста И. И. Земцовского, излагающая обусловленность музыки устной традиции этнокультурной характеристикой фольклорного исполнителя; рассматриваются вопросы специфики народно-песенного интонирования; определяются понятия "артикуляционный генофонд этноса", "память музыки устной традиции". Авторами обозначаются основные позиции дальнейшего изучения проблемы фольклорной артикуляции как знака культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 71-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ARCHITECTURAL FANTASIES IN CREATIVITY OF ARTISTS AND ARCHITECTS OF THE GERMAN EXPRESSIONISM

Ivanov Aleksandr Olegovich, Associate Professor
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
ivanov.a.o@mail.ru

The article deals with architectural fantasies created by artists and architects of the German expressionism. The directed organizational efforts of the leaders of the "Workers' Council for Art" in this sphere in the period of the Weimar Republic and creative correspondence "The Glass Chain" are analyzed. The article singles out a number of authors who devoted most of their creativity to architectural fantasies in fine arts, describes characteristic features of their works.

Key words and phrases: architectural fantasies; fine arts; beginning of the XX century; social utopia; German expressionism; Glass Chain.

УДК 398:78.072.2

Искусствоведение

В статье анализируется авторская концепция отечественного фольклориста И. И. Земцовского, излагающая обусловленность музыки устной традиции этнокультурной характеристикой фольклорного исполнителя; рассматриваются вопросы специфики народно-песенного интонирования; определяются понятия «артикуляционный генофонд этноса», «память музыки устной традиции». Авторами обозначаются основные позиции дальнейшего изучения проблемы фольклорной артикуляции как знака культуры.

Ключевые слова и фразы: этнокультура; национальные традиции; фольклор; исполнительский фольклоризм; интонирование; фольклорная артикуляция.

Исаева Светлана Александровна, к. культурологии, доцент

Гулая Татьяна Николаевна, к. культурологии, доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск
svetais13@rambler.ru; tngulay@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ «МАРКЕРЫ» МУЗЫКИ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ В КОНЦЕПЦИИ И. И. ЗЕМЦОВСКОГО

*...только живое интонирование с присущим ему типом артикуляции информативно в этногенетическом смысле.
И. И. Земцовский*

Последние десятилетия в научной литературе широко обсуждается вопрос о характерных особенностях устной музыкальной традиции. Общеизвестно, что даже человек, не имеющий специальных познаний в области теории музыки, без труда сможет отличить классическое произведение от народного, а русскую музыку от музыки восточной. Различия профессиональной и народной традиций, безусловно, являются наиболее рельефными и легко формулируемыми. Отличия музыки отдельных национальных традиций более тонкие и завуалированные, часто требующие специального анализа. Так, пентатоника широко распространена в фольклорных традициях мира, что подчеркивает Н. Г. Шахназарова [15], тем не менее есть существенная разница в характере звучания китайской и татарской музыки.

Таким образом, существуют характерные особенности, присущие фольклорной музыке в целом и отдельным этническим фольклорным традициям в частности. В научных дискуссиях были сделаны попытки выявить эти характерные особенности, проанализировать их и выделить среди них наиболее приоритетные. На наш взгляд, наиболее последовательно проблема взаимосвязи категории этнического и музыки устной традиции проанализирована Изалием Иосифовичем Земцовским. Выдающемуся отечественному музыковеду, фольклористу и этномузыковеду принадлежит оригинальная авторская концепция «о сущности музыкального искусства в его реальной бытийности» [13, с. 97]. В рамках этой концепции рассматриваются различные аспекты народной музыкальной традиции, в частности, культурологические, социально-исторические, психологические и этнические атрибуты музыки. Интерес ученого к фольклорной музыке объясняется тем, что в фольклоре «все общемузыкальные свойства обострены до предела и представлены в своей... обнаженной сути» [3, с. 186]. По мнению Земцовского, музыка устной традиции является устойчивой этнокультурной характеристикой человека. Исследователь считал фольклор важным фактором в процессе этногенеза, «своего рода этическим стереотипом поведения, чья сохранность оказывается залогом полнокровного существования этноса» [7, с. 16]. Основанием для подобного утверждения исследователь считал наличие устойчивых «музыкально-фольклорных типов» и типов интонирования. Под музыкально-фольклорными типами подразумеваются присущие народной музыке лады, ритм, фактура, мелодия; под типами интонирования – способы исполнения.

Смысловым ядром концепции Земцовского является триада понятий – «музицирование», «интонирование» и «артикулирование». Музицирование – это «внешние атрибуты», относящиеся к творчеству и исполнению:

бытовые условия и ситуация, в которых исполняется произведение, его жанр и особенности исполнительского поведения. Интонирование – «содержательный уровень», мышление и семантика, то есть «что, о чем и зачем» поет человек. Артикулирование – это сфера действия, структурная «реализация музицирования и интонирования», «поведенческо-произносительная явленность музыкального содержания» [6, с. 154].

Под «артикуляцией» Земцовский подразумевает «все формы обнаружения интонирования в процессе музицирования» [13, с. 101]. К ней же ученый относит и музыкальный строй как один из важнейших показателей качества музыкальной традиции. В широком смысле артикуляция затрагивает не только произношение, но и речь, телодвижения. Народная песня в исполнении народного певца – это настоящее «песенное действо». Таким образом, артикуляция становится поведенческим актом, который в рамках этнической культуры регулируется определенными нормами и стереотипами поведения. «В исполнительской манере каждого народа есть нечто существенное, специфическое, не переводимое в иной исполнительский стиль. Больше того, манера пения является одним из самых устойчивых элементов народной традиции, а потому признаком не только образным, но и этническим» [12, с. 13].

Помимо стереотипов поведения и общения, манера исполнения тесно связана с рядом других антропологических и психологических характеристик этноса – речью, мимикой, строением голосового аппарата. Важную роль играют также жесты и позы исполнителя, часто жестко связанные с теми или иными фольклорными жанрами (позы плакальщиц или эпических сказителей). Именно эти позы, статичные или подвижно-динамичные, способствуют воспроизведению определенной артикуляции, определенного качества интонирования. Исследователь подчеркивает: «Еще не зная слов, интонационного словаря, мелодических типов и жанра, мы уже по одной артикуляционной атаке и по типу интонирования способны опознать этническую принадлежность фольклорного исполнителя» [6, с. 156].

В рамках устного народного творчества, не имеющего системы нотации, артикуляция также фиксирует музыку, образуя при этом «артикуляционный генофонд этноса», «память музыки устной традиции» [13, с. 102]. Любые формы записи фольклорной музыки (нотная или аудио- и видеозапись) рождают чуждый фольклору вторичный текст, так как единственная форма фиксации, выработанная традицией, – это артикуляция.

«В народном исполнении народное произведение покоряет глубочайшей образной правдой интонирования, естественностью и целостностью», – пишет Земцовский [12, с. 35]. Не случайно ученый часто приводит в пример свидетельство отечественной фольклористки Э. Е. Линевой, согласно которому русские крестьяне не узнали знакомую песню в академическом исполнении, потому что хор звучал «по-немецки», с иной артикуляцией. По мнению Земцовского, народные певцы не просто поют или исполняют, они «буквально возносят песню», часто завывая строй в порыве «артикуляторного напряжения». Особенно это касается артикуляции приуроченных песен, когда «человек не ограничен эмоциями: он действует, он совершает обряд как высокое социальное предназначение» [9, с. 253]. В отличие от народных певцов, академические исполнители чаще занижают строй, не артикулируя, а сольфеджируя нотную запись фольклорного источника.

Не случайно из всех видов фольклоризма самым сложным Земцовский считает фольклор на сцене. Рассуждая о различных аспектах исполнительского фольклоризма, исследователь указывает на неосмысленное до конца существенное различие между фольклором и его вторичным бытием. Суть этого различия ученый определяет как «артикуляционный барьер», причиной которого является наследуемая, или «первичная артикуляция фольклора». Преодоление этого барьера «невозможно, так как он касается не только артикуляции в узком смысле слова, но и в более широком смысле, включающем в себя весь комплекс традиционного речевого поведения, речевого общения, включая пение как речь» [11, с. 13]. Поэтому ближе всего к аутентичным образцам звучит фольклор в исполнении так называемых «первичных» ансамблей – носителей фольклорной традиции своего региона. Тип исполнения, или артикуляции, может выступать «меткой» как этноса в целом, так и субэтнических групп и даже отдельных сел, родов и семей. При этом не только песенные напевы, но и инструментальные наигрыши играют роль этнического знака, так как, наряду с вокальной, «музыкально-инструментальная артикуляция может обладать этнической информацией» [6, с. 173].

Некоторые обрядовые и необрядовые напевы «прикреплялись» к единственному этнофору с его этнической, но в то же время индивидуальной артикуляцией. Значимость индивидуальной манеры подтверждается исследованиями различных национальных традиций. Так, по данным мордовского этномузыколога Н. И. Бояркина [1], у мордвы от опыта, мастерства и личной манеры запевалы зависели формы некоторых структурных элементов неприуроченных долгих песен, в частности, специфических повторов последнего слова мелострофы или ее последней части. Индивидуальная манера певца проявлялась также в исполнении запева, который в зависимости от степени его одаренности мог превратиться в развернутую структуру с большой смысловой нагрузкой. Потеря запевалы приводила к тому, что «произведение нередко переставало звучать в быту», – отмечает исследователь мордовской песенной традиции Н. Е. Булычева [2, с. 36].

В фольклорных традициях существует множество различных артикуляторных приемов, которые с точки зрения традиции классической рассматриваются как необычные. Земцовский приводит в пример результаты исследований австрийского этномузыколога В. Графа, который установил, что во многих народных культурах обычный голос ассоциируется лишь с повседневной речью, поэтому ровный тон не считается художественным. Применяя в процессе полевых исследований сонограф – биоакустическое устройство, позволяющее регистрировать силу и частоту обертонов звука, а также их изменения во времени, – этномузыковед описал такие голосовые подачи, как вибрато, тремоло, йодлер, гнусавое пение, губные трели, булькающие и щелкающие звуки. Известны также приемы вокализации, напоминающие журчанье, писк, плач, хрип, кудаханье. Артикуляция подобных звуков, несмотря на их внешнюю простоту, достигается упорными тренировками. Любой артикулируемый звук в народной культуре несет глубокий музыкальный и социальный смысл, поэтому именно звук «поражает при восприятии чужой культуры» [6, с. 167].

Основой процесса «музицирования – интонирования – артикулирования» Земцовский считает «музыкальное вещество» (терминология автора). Народными исполнителями артикулируется отнюдь не музыкальный тон или совокупность тонов, а музыкальное вещество, организованное по законам особых «интонационных полей». Музыкальное вещество – это «звучащая субстанция», «сущность музицирования, и эта сущность пребывает и в исполнителе, и в исполняемом, и непременно в слушателе» [3, с. 183]. Музыкальное вещество – звучащая материя особого типа – воспринимается этнослухом, который и определяет этнические компоненты звучания. По мнению ученого, музыкальное вещество материализует этнический слух, потому что «живое вещество культуры этнически характерно, как и этнослух» [Там же, с. 188].

Согласно концепции Земцовского [5], в музыке устной традиции существуют три типа или группы музыкального вещества: 1) вещество, тесно связанное с речью, говорение, речитация всех видов; 2) противостоящее речевой стихии распевное вещество, пение, «протянутый тон»; 3) музыкальный крик – звукоподражание, причитание, зов, ауканье. Земцовский выделяет также самостоятельную, промежуточную форму музыкального вещества – ритмизированные плясовые и трудовые песни. Эта форма связана с тремя перечисленными выше. Музыка различных устных традиций имеет в основе разные музыкальные вещества. Иногда в песнях одной этнической традиции наблюдается соединение разных типов музыкального вещества. К примеру, латышские бурдонные песни объединяют «сказывающую» партию запевалы и «протягивающую» хоровую, т.е. речитативное и песенное музыкальное вещество. В случае коллективного интонирования использование разных типов музыкального вещества приводит к возникновению контрастной полифонии, а использование одного вещества рождает гармонию. В музыке любой традиции принимается или отторгается слухом именно вещество.

В концепции Земцовского любые структуры, выступающие этническими маркерами фольклорного материала, связаны между собой. По мнению ученого, это объясняется тем, что фольклор характеризуется синкретичностью и его сущность «нельзя полностью раскрыть... ни с одной изолированно взятой точки зрения», равно как и «специфику народной музыки как целостного явления невозможно описать в терминах какой-либо одной музыковедческой дисциплины» [8, с. 36]. При этом каждая структура, в свою очередь, зависит от синкретизма фольклора. К примеру, зависимость музыкального вещества от характерного для музыки устной традиции синкретизма, «выражается в том, что сама музыкальная форма определяется внемузыкальными факторами и функциями. <...> На передний план выходит функционально обусловленная артикуляция, столь же вероятностная, сколь и жестко формульная, – артикуляция как работающее связующее звено между веществом и остальными фундаментальными составляющими музыкального поведения – звуковысотности... длительности и тембра» [3, с. 190].

Взаимосвязь музыкального вещества и артикуляции выражается разными способами. Земцовский приводит в пример этническую традицию Югославии (Сербии) с хорошо сохранившимся устойчивым типом артикулирования. Ее особенностью является «предначальный» звук песни, своего рода «однотоновый зачин», предваряющий начало. Ряд этномузыкологов нотируют эту деталь исполнения как значимую, представляющую безусловный интерес. С помощью такого, часто нетемперированного, зачина певец «создает звук», особую материю, относящуюся уже не к речи, а к музыкальному веществу. Аналогичные «музыкальные анакрузы», связывающие артикуляцию и музыкальное вещество, встречаются в песнях других этнических традиций (болгарской, белорусской, донской). Взаимодействие артикуляции и музыкального вещества рождает этнический звукоидеал. Для каждого этноса этот звукоидеал уникален. К примеру, этнический звукоидеал мордвы определяет бурдонная полифония, которая отражена как в коллективном вокальном исполнении, так и в инструментальном [14]. Таким образом, музыкальное вещество в концепции Земцовского связано не только с этнослухом и артикуляцией, но и с этническим звукоидеалом. Артикуляция, тембр и звукоидеал являются неотъемлемой частью музыкального вещества, которое в зависимости от конкретной национальной традиции приобретает характерное звучание [3, с. 190]. Поэтому артикуляция, играя роль основного знака этнической традиции, остается частью взаимосвязанного набора этнических «маркеров».

Артикуляция – это часть жизни народа, его истории. Она настолько связана с человеческой деятельностью, что в отличие от академической артикуляции может быть прервана в любой момент и восстановлена заново. «Артикуляторный фонд» – это важнейшая часть культуры любого этноса, и эта культура связана с артикуляцией через этнофора. Поэтому, подчеркивает Земцовский, «фольклорная артикуляция как знак культуры – это всегда артикуляция человека интонирующего, носителя и деятеля культуры, это *почерк этнофора*. Культура пишет этнофором. Этнофор своей артикуляцией сигнализирует о культуре» [6, с. 157].

Таким образом, концепция Земцовского обозначает четкую перспективу для дальнейших исследований этнических признаков музыки устной традиции. Еще в 1971 г. ученый писал о недостаточной изученности «народно-песенного интонирования как живого исполнительского процесса, в котором музыкальная интонация представляет собой сложное, комплексное явление» [12, с. 8]. И даже в настоящее время, несмотря на обширный практический материал, собранный этномузыкологами, артикуляция остается до конца не исследованной областью, «исследовательской целиной», а создание теории артикуляции – это дело будущего.

Список источников

1. Бояркин Н. И. Мокшанские неприуроченные долгие песни междуречья Мокши и Инсара // Памятники Мордовского народного музыкального искусства: в 3-х т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. Т. 2. С. 6-22.
2. Булычёва Н. Е. Фольклор и фольклоризм периода формирования профессиональных традиций (на материале мордовской музыки). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 240 с.
3. Земцовский И. И. Апология «музыкального вещества» // Музыкальная академия. 2005. № 2. С. 181-192.

4. Земцовский И. И. Апология слуха // Музыкальная академия. 2002. № 1. С. 1-12.
5. Земцовский И. И. Апология текста // Музыкальная академия. 2002. № 4. С. 100-110.
6. Земцовский И. И. Артикуляция фольклора как знак этнической культуры // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 152-189.
7. Земцовский И. И. Музыка и этногенез (исследовательские предпосылки, задачи, пути) // Советская этнография. 1988. № 2. С. 15-24.
8. Земцовский И. И. Народная музыка и современность (к проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор: статьи и материалы. М., 1977. С. 28-75.
9. Земцовский И. И. О началах и концах, или Песня как исполнительский процесс (памяти М. А. Василевича и Ф. А. Рубцова) // Русский фольклор: материалы и исследования: в 35-ти т. / ред. Е. А. Гольдич. СПб.: Art-Xpress, 2016. Т. XXXV. С. 242-271.
10. Земцовский И. И. О современном фольклоризме // Традиционный фольклор в современной художественной жизни (фольклор и фольклоризм): сборник научных трудов. Л.: ЛГИТМиК, 1984. С. 4-15.
11. Земцовский И. И. От народной песни к народному хору: игра слов или проблема? // Традиционный фольклор и современные народные хоры и ансамбли (фольклор и фольклоризм): сборник научных трудов. Л.: ЛГИТМиК, 1989. Вып. 2. С. 6-19.
12. Земцовский И. И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. Л.: Советский композитор, 1977. 176 с.
13. Земцовский И. И. Человек музицирующий – Человек интонирующий – Человек артикулирующий // Музыкальная коммуникация: сборник научных трудов. СПб., 1996. Вып. 8. С. 97-103.
14. Мордва: Этническая история мордовского народа. Хозяйство и материальная культура. Общественная жизнь и духовная культура / сост. С. С. Маркова. Саранск, 2004. 992 с.
15. Шахназарова Н. Г. Феномен национального в зеркале композиторского творчества (Россия – Армения): очерки. М.: КомКнига, 2007. 224 с.

ETHNIC “MARKERS” OF MUSIC OF ORAL TRADITION IN I. I. ZEMTSOVSKY’S CONCEPTION

Isaeva Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Gulaya Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
svetais13@rambler.ru; tngulay@mail.ru

In the article the author's conception of the Russian folklorist I. I. Zemtsovsky, which states the conditionality of music of oral tradition by the ethnocultural characteristic of the folklore performer, is analyzed; the issues of specificity of folk-song intoning are considered; and the notions “articulation gene pool of ethnos”, “memory of music of oral tradition” are defined. The authors identify the main points for further study of the problem of folklore articulation as a sign of culture.

Key words and phrases: ethnoculture; national traditions; folklore; performance folklorism; intoning; folklore articulation.

УДК 37.014

Исторические науки и археология

В статье освещается малоизученная проблема взаимоотношения власти и учительства в самой многонациональной северокавказской республике в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. С привлечением новых документальных источников показано, как в условиях радикальных изменений в жизни дагестанского общества органы власти определяли роль и место учителя в новой советской школьной системе, в деле распространения среди населения новой социалистической идеологии. Отражено отношение к власти самых разных слоев дагестанского учительства.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; Октябрь 1917 года; Гражданская война; власть; учительство; общеобразовательная школа; новая советская школьная система; формирование учительских кадров; материальное обеспечение учителей.

Каймаразов Гани Шихвалиевич, д.и.н., профессор
Каймаразова Лейла Ганиевна, к.и.н.
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала
kaymarazova@mail.ru

ДАГЕСТАНСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ. 1917-1921 ГГ.: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Проблема взаимоотношений власти и интеллигенции была актуальна практически всегда. Власть выступает инициатором любых преобразований в обществе и существенно влияет на его духовную сферу. Интеллигенция, с одной стороны, главный проводник культуры, образования, а с другой – действенный критик власти. И хотя взаимодействие политической власти и интеллигенции, в том числе педагогической, вызывает